

ЭССЕИСТИКА ТРАНСКУЛЬТУРЫ М. ЭПШТЕЙНА

Н.М. Байбатырова

Статья посвящена особенностям философско-эссеистической публицистики философа и филолога, эмигранта «третьей волны» Михаила Эпштейна. Культурно-социальная проблематика двух цивилизаций – советско-российской и американской – выражена в жанре эссе. Концепция «транскультуры» возникла в России в начале 1980-х гг., когда стал очевидным системный кризис советской цивилизации. М. Эпштейн развил ее в эссеистике, вошедшей в двухтомный сборник «В России» – «Из Америки».

The article is devoted to the features of philosophic and essay publishing of the philosopher and the philologist, the emigrant of “the third wave” Michael Epstein. The cultural-social problematic of two civilizations – Soviet-Russian and American – is expressed in a genre of an essay. The concept of “transculture” has appeared in Russia in the beginning 1980 when there is obvious a system crisis of the Soviet civilization. M. Epstein has developed it in the essayistic which has entered into the two-volume collection “In Russia” – “From America”.

Ключевые слова: М. Эпштейн, эссе, транскультура, публицистика русского зарубежья, «третья волна» эмиграции, Америка, Россия.

Key words: M. Epstein, essay, transculture, publicism of Russian abroad, “the third wave” emigrations, America, Russia.

Михаил Эпштейн – заслуженный профессор теории культуры и русской литературы Университета Эмори (Атланта), член российского Пен-клуба и Академии российской современной словесности. Он входит в редколлегии американских научных журналов. Задолго до эмиграции М. Эпштейн ощущал потребность излить свои мысли на бумагу в форме эссе. М. Эпштейн родился в Москве и закончил филологический факультет МГУ, начинал корректором в издательстве, работал в Институте мировой литературы, затем преподавал на подготовительных курсах одного из вузов. Параллельно М. Эпштейн писал статьи, в 1978 г. вступил в Союз писателей. В конце 1980-х гг. ему предложили поработать приглашенным профессором в одном из университетов США, и именно в 80-е гг. прошлого столетия родилась такая форма коллективной импровизации, как «Клуб эссеистов», просуществовавший более шести лет. «Обнаружилось, что можно быть вместе и при этом не терять себя, а напротив, резонансом усиливать частоты творческих колебаний друг друга. Мы собирались раз в три недели, писали эссе-импровизации, читали их друг другу, обсуждали, потом все это складывалось и принимало вид маленькой энциклопедии данной темы», – рассказывает в интервью М. Эпштейн [5].

Для писателей, творивших в эмиграции, эссе приобрело особое значение среди публицистических жанров. Заметным явлением в эссеистике литературы русского зарубежья второй половины XX в. стал сборник эссе М. Эпштейна. В двухтомнике «В России» – «Из Америки» М. Эпштейн представляет читателю временную и географическую панораму советского, позже российского и американского общества.

Жанровые характеристики эссе М. Эпштейна во многом сходны с очерком. В Словаре современного русского языка указывается ближайшее родство этих жанров: «Эссе – очерк, трактующий литературные, философские, социальные и тому подобные проблемы не в систематическом, строго научном виде, а в свободной форме» [8, с. 1922]. Остальные словари и справочники

также повторяют эту формулировку с лишь небольшими изменениями. Многие отечественные литературоведы отождествляют очерк и эссе. Исследователь Н. Глушков считает эссе западным аналогом, калькой русского очерка. Однако он обнаруживает некоторые существенные различия: «... немалую роль в размежевании нашего очерка с западными эссе и репортажем сыграли преимущества русского термина, который влияет на литературную практику в несколько ином направлении, чем эссе и репортажи» [2, с. 152–153]. Таким образом, мнение, что эссе есть форма очерка, до сих пор весьма распространено. Так, А. Елизарова пишет, что содержание журналов Аддисона «укладывалось в гибкую и непринужденную форму очерка – "эссея"» [3, с. 320].

Уникальность публицистики М. Эпштейна заключается в том, что очевидны особенные ее свойства, которые отличаются от очерковой формы. В этом смысле концепция его мировоззрения повлияла на формальные признаки произведений, которые получили эссеистическую форму. Поскольку буквальный перевод термина «эссе» – «опыт», «проба», «испытание», то у М. Эпштейна мы и находим сравнительное описание опыта его жизни в России и США, на родине и в эмиграции, в советско-российском обществе и в условиях западной цивилизации.

Эссе было не слишком характерно для советской литературы. Как жанр публицистики эссе первоначально апробировали и утвердили французы. Слово содержит латинский корень, происходит из французского языка (*essai*) и имеет аналоги в других европейских языках: английском (*essay* или *assay*), испанском (*ensayo*), итальянском (*saggio*). Критики указывают на промежуточный или синтетический характер этого жанра, не давая ему точного названия. Терминологическая расплывчатость вкупе с заимствованным из европейского литературоведения названием жанра не мешала советским и не мешает российским писателям и публицистам обращаться к нему как форме осмысления и отражения философских воззрений и социально-бытовых реалий. Безусловно, интеллектуалу М. Эпштейну знакомы «Опыты» М. Монтеня, журнальные эссе Д. Аддисона, «Опыты о критике» А. Попа, «Эссе об эпической поэзии» Вольтера. М. Эпштейн пишет: «Я обратился к эссеистике, когда, как ни странно, даже такого жанра не было в советской словесности, – считалось, что и в русской. За жанр признавалась только публицистика, а "эссе" – это нечто чуждое, сугубо западное» [8, с. 5]. В этой «сугубо западной» жанровой форме М. Эпштейн сумел выразить нечто свое, советское, но с отвлеченно-экзистенциальной авторской позиции. В двухтомном сборнике «В России» – «Из Америки» собраны более полутора сотен эссе, которые частично были опубликованы в советских и эмигрантских журналах и газетах, в сетевых изданиях, выходили в эфир радио «Свобода» в 1990–1994 гг., когда М. Эпштейн только уехал в США.

Автор указывает, что расположение текстов в двухтомнике – асимметричное по географии (Россия – Америка) и хронологически последовательно выстроенное (Россия – 1970–1980-е гг. – Америка – 1990–2000-е гг.). Транскультурализм в понимании М. Эпштейна характеризует культуру в широком понимании этого термина. Природа, социум, национальное самосознание, язык, вера, частная жизнь – часть культурной парадигмы двух цивилизаций. Именно поэтому тексты эссе объединены в проблемно-тематические разделы, в каждом из двух томов по одиннадцать таких рубрик-разделов, которые имеют общий подзаголовок. В томе первом мы встречаем следующие заглавия: «Вступление», «Любовь пространства», «Лишний мир», «Температура

истории», «Красный уголок», «Светлые тени», «Тайны вещей», «Края плоти», «Зов будущего», «Мой друг Иван Соловьев», «Приложения».

М. Эпштейн нередко называет собственные эссе опытами, подчеркивая документальную основу публицистических текстов. Под каждым эссе стоят дата и место написания. Опыт жизни и творчества в России и США М. Эпштейн отражает в жанре эссе, отмечая: «Там, где исчерпываются возможности более твердых и последовательных жанров: рассказа, хроники, статьи, трактата, – там начинается эссе» [9, с. 7]. Таким образом, автор говорит и пишет на языке двух культур – не просто русской и американской, но и шире – российской и западной.

М. Эпштейн разработал и обосновал понятие транскультуры и стал автором соответствующих междисциплинарных проектов. Этим он занимался в Москве и продолжил на Западе. Концепция транскультуры подробно изложена в книге Элен Берри и Михаила Эпштейна «Транскультурные эксперименты: Российская и американская модели творческой коммуникации» [12]. Как признается М. Эпштейн, «речь идет о теории транскультуры, которая вызрела на почве российской культурологии и противостоит американской теории мультикультурализма» [5].

Впервые термин «транскультура» (“transculture”) был использован в 1983 г. М. Эпштейном. Ранее М. Бахтиным было предложено понятие «внеаходимость» по отношению ко всем существующим культурам [1, с. 342]. Транскультура подразумевает «новую сферу культурного развития за границами сложившихся национальных, расовых, гендерных, профессиональных культур» [11, с. 100]. Эссеистика транскультуры М. Эпштейна преодолевает замкнутость русских и западных традиций, языковых и ценностных детерминаций и открывает поле «надкультурного» творчества. Если культура освобождает человека от физических зависимостей и детерминаций природы, то транскультура, по мнению М. Эпштейна, – это следующий уровень, другой этап освобождения, на этот раз от прочно укоренившихся стереотипов, символических зависимостей, предрасположений и предрассудков родной культуры. Транскультура – это особое состояние человека, освобожденного культурой от природы и культурологией от культуры. Именно поэтому М. Эпштейну, этническому еврею, гражданину СССР и россиянину по месту рождения, эмигрировавшему в США и слившемуся с американской действительностью, как никому другому понятна и созвучна концепция транскультуры.

С середины 1990-х гг. концепция транскультуры начинает распространяться на Западе в связи с кризисом концепции «многокультурия», или «мультикультурализма» (multiculturalism). «Концепция очень проста, – пишет М. Эпштейн, – каждая раса, нация, половая или возрастная группа, каждое этническое или социальное меньшинство имеют право на свою систему ценностей, равнозначную ценностям культурного большинства» [10, с. 192]. В отличие от «многокультурия», которое устанавливает ценностное равенство и самодостаточность разных культур, концепция транскультуры предполагает их открытость и взаимную вовлеченность. Здесь действует принцип не дифференциации, а интерференции, «рассеивания» символических значений одной культуры в поле других культур. Если «многокультурие» настаивает на принадлежности индивида к «своей» биологически, гендерно, социально заданной культуре («черной», «женской», «молодежной» и т.д.), то «транскультура» предполагает полную ассимиляцию исходных культурных идентичностей по мере того, как индивиды пересекают границы разных культур.

Транскультура – это состояние принадлежности одного индивида одновременно многим культурам.

В эссе М. Эпштейн стремится освободиться от уз советского литературоведения. Советская культура, в которой родился и духовно социализировался М. Эпштейн, где происходила его исходная идентификация, воспринимается и выражается в публицистике писателя как прошлое человечества, как некая вторая природа, освобождение от которой открывается пространством транскультуры. В публицистике М. Эпштейн ведет речь об освобождении от культурных, а значит, временных и географических штампов и стереотипных клише. В разделе «О топохроне» он пишет: «Сама история России – это проекция ее географии, и исторические периоды отмечаются не чисто временными изменениями, а сдвигами и расширениями в пространстве» [9, с. 23]. В связи с этим М. Эпштейн вспоминает и идею «культурной революции», которая выдвигалась и пропагандировалась в Советском Союзе. Писатель не отвергает тотальность мировой культуры, но превращает ее из политического орудия в творческий прием.

Концепция М. Эпштейна имеет явные признаки космополитизма. Автор не ограничивает себя рамками только писательства, философии или филологии. Сфера его интересов поистине универсальна: от метафизики русской классики и теории постмодернизма до изобретения новых слов и гуманитарных дисциплин. Хотя ученый живет и работает в США, он много печатается в России. В интервью он рассказывает о своих электронных словарях и сетевых проектах, включая «Виртуальную библиотеку», где представлены электронные версии многих его книг и статей [7]. Такая тематическая и формальная открытость дают основания называть его публицистику эссеистикой транскультуры.

Философско-экзистенциальная концепция М. Эпштейна схожа с теорией ученого Дениса Гарбора, который в 1947 г. высказал идею, что Вселенная – это гигантская голограмма. По его мнению, голограмма представляет собой явление, в котором «целое» содержится в каждой из его составляющих. Так же М. Эпштейн, асимметрично сопоставляя в своей эссеистической публицистике Россию и Америку, видит отражение цивилизаций в частных историях личной жизни, социальных явлениях, языке. Сейчас многие ученые приходят к выводу, что реальность по сути – тоже голограмма, и работа мозга основана на голографическом эффекте. Мозг – это голограмма, отражающая голографическую Вселенную [4, с. 3].

Безусловно, эссеистическая публицистика М. Эпштейна созвучна такому научному подходу к истории человечества. Ведь и пребывание в культуре не отменяет нашего физического тела, но умножает его символические смыслы. В публицистике М. Эпштейна транскультурное право не приравнивается к политическому, то есть праву на свободный выбор места жительства, эмиграцию, пересечение государственных границ. Множество людей, покидающих географический ареал своей культуры, до конца жизни остаются пленниками ее языка и традиций. Другие эмигранты, отвернувшись от прошлого, становятся пленниками новообретенной культуры. Лишь меньшая часть, приобщаясь к двум или нескольким культурам, сохраняет свободу от каждой них. При этом транскультура в понимании М. Эпштейна никоим образом не отменяет «культурного тела», совокупности символов и привычек, данных нам от рождения и воспитания. В эссе под названием «Русская хандра» [9, с. 31–39] М. Эпштейн пишет о таких свойствах русского менталитета, как скука, хандра,

тоска: «...хандра – недуг, причем национальный, проблема этнической патофизиологии» [9, с. 31]. Автор обращается к истокам национального недуга, сравнивает его с английским сплином, обращается к примерам из русской классической литературы, изучает кодекс советского поведения: «Хандра, в отличие от сплина, не есть болезнь пресыщения. Сплином болеют аристократы, но хандра глубоко входит в душу всего русского народа, приобретая там еще и другое, более сильное наименование: тоска, кручина» [9, с. 32]. Кроме того, М. Эпштейн как лингвист старается объяснить транскультуральное морфемное происхождение слов: «... "тоска" – это слово того же корня, что и "тощий". Тощее – это физически пустое, а тоска – это пустота душевная» [9, с. 33].

Культура еды (эссе «О буржуях и спарже») или культура религии (раздел «Вера»), ритуалы застолья, традиции (эссе «О ритуалах»), парадоксы общения советско-российских граждан и американцев – все это символично в транскультуральной философии М. Эпштейна. Тело не исчезает в культуре, но исчезает рабство у тела. «В обычном кафе вам подадут спаржу или артишоки с той же небрежностью, как, допустим, огурцы и капусту. И, оказывается, ничего особенного в этой спарже, просто утолщенная травка, по вкусу даже не слишком прелестная, пресноватая» [10, с. 67]. Так, спаржа у М. Эпштейна становится символом целой культуры, неизведанной и потому многократно более интересной. Выход в область транскультуры не устраняет значение первичных культур, но обогащает и даже усиливает их, потому что любой элемент теперь не диктуется как традиция, а свободно выбирается, как художник ищет краски, чтобы по-новому сочетать их в картине. В своем творчестве М. Эпштейн пользуется палитрой всех культур. В эссе автор транскультурно свободен, он сам выбирает, к каким культурным традициям примкнуть и в какой степени сделать их своими. Элементы тех или иных первичных культур дополнительно расцветиваются, многообразно сочетаются в пространстве транскультуры.

Эссе, собранные во втором томе, построены на контрастных сравнениях американского и советского, а также российского и советского, поскольку переломным моментом и точкой отсчета здесь являются крах советской цивилизации и новое самоопределение России. Опыт жизнотворчества в разных культурно-социальных плоскостях автор воплощает в эссе: «Америка была по отношению к России – ожившей утопией. Россия была по отношению к Америке – не отпускающей ностальгией. Я пользовался реалиями одной, чтобы другую обозначить – то ностальгически, то утопически» [10, с. 10]. Во вступлении ко второму тому М. Эпштейн по-разному называет жанр собственных публицистических работ: «интеллектуальный фольклор», «философический лубок», «эссе». Опираясь на факты обыденной, повседневной действительности, автор описывает сходства и отличия психологии представителей разных культур на формальном и содержательном уровнях: «Может быть, самое удивительное в американской улыбке – это когда прохожему на пустынной улице вдруг улыбается красивая девушка. В советском восприятии это был бы содержательный знак – а здесь остается чисто формальным. Форма чиста: от намеков и подозрений, от вторых и третьих смыслов; она значит только то, что означает сам знак: общественную условность» [10, с. 167].

Таким образом, в эссеистическом творчестве писателя «третьей волны» русской эмиграции М. Эпштейна можно рассмотреть попытку осмысления транскультурного взаимодействия двух цивилизаций и попытку создания транскультурной эссеистики. Доминируют три главные темы: Советской Со-

юз, Россия и Америка. Публицист разрушает авторитарные мифы, идиомы, культурные стереотипы, существующие в России и Америке, и воссоздает из их элементов новые реальности. Автор, принадлежащий к нескольким культурным пластам, пишет о России, с одной стороны, в отношении к номинальному антагонисту – Соединенным Штатам, с другой стороны, «в отношении к самой себе, своей прежней ипостаси» [10, с. 7]. Две оси – топос и хронос – дают возможность вневременного и внегеографического анализа, причем М. Эпштейн умело соединяет в эссе методы философии, художественной словесности и документального, дневникового письма. Автор видит одну культуру глазами другой. Пространство и время, нация в целом и отдельная личность, социум и религия, СССР как ушедшая под воду Атлантида и США как царство динозавров – все эти темы преломляются в эссеистической публицистике М. Эпштейна, как в зеркалах двух культур.

Транскультура в понимании М. Эпштейна – это иная модель развития культуры: не уравнилельно-глобалистская и не замкнуто плюралистическая. Среди множества свобод, которые провозглашаются неотъемлемыми правами личности, писатель обосновывает еще одну, самую емкую: свободу от собственной культуры, в которой родился и был воспитан. Проблема транскультуры в эссеистике М. Эпштейна рассматривается сквозь призму политики и общественных отношений, языка и религии, мировой литературы и личностных взаимодействий. В публицистике автор 16 книг и 400 статей и эссе, переведенных на 14 языков, освобождается от условностей культуры, к которой он принадлежит от рождения, и раздвигает границы мировоззрения читателя.

Список литературы

1. Бахтин М. Из записей 1970–1971 гг. / М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М. : Искусство, 1979.
2. Глушков Н. И. Очерковые формы в советской литературе / Н. И. Глушков. – Ростов : Ростов. ун-т, 1969. – 222 с.
3. История английской литературы. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, 1945. – Т. 1, вып. 2. – 446 с.
4. Кехо Дж. Подсознание может все : пер. с англ. / Дж. Кехо. – М. : Попурри, 2003. – 109 с.
5. Логош О. Михаил Эпштейн: расширить способы мышления и действия / О. Логош. – Режим доступа: http://krupaspb.ru/piterbook/ot_avtora/ot_avtora_arh_epsht.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
6. Паустовский К. Повести и рассказы / К. Паустовский. – М. : Московский рабочий, 1953. – 324 с.
7. Режим доступа: http://www.emory.edu/INTELNET/virt_bibl.html, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
8. Словарь современного русского языка : в 17 т. – М. – Л., 1965. – Т. 17.
9. Эпштейн М. Все эссе : в 2 т. / М. Эпштейн. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – Т. 1: В России. – 544 с.
10. Эпштейн М. Все эссе : в 2 т. / М. Эпштейн. – Екатеринбург : У-Фактория, 2005. – Т. 2: Из Америки. – 704 с.
11. Эпштейн М. Говорить на языке всех культур / М. Эпштейн // Наука и жизнь. – 1990. – № 1. – С. 100–103.
12. Berry E. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication / E. Berry, M. Epstein. – New York : St. Martins Press, 1999.
13. Epstein M. Culture – Culturology – Transculture / M. Epstein // After the Future: The Paradoxes of Postmodernism and Contemporary Russian Culture. – Amherst : The University of Massachusetts Press, 1995.